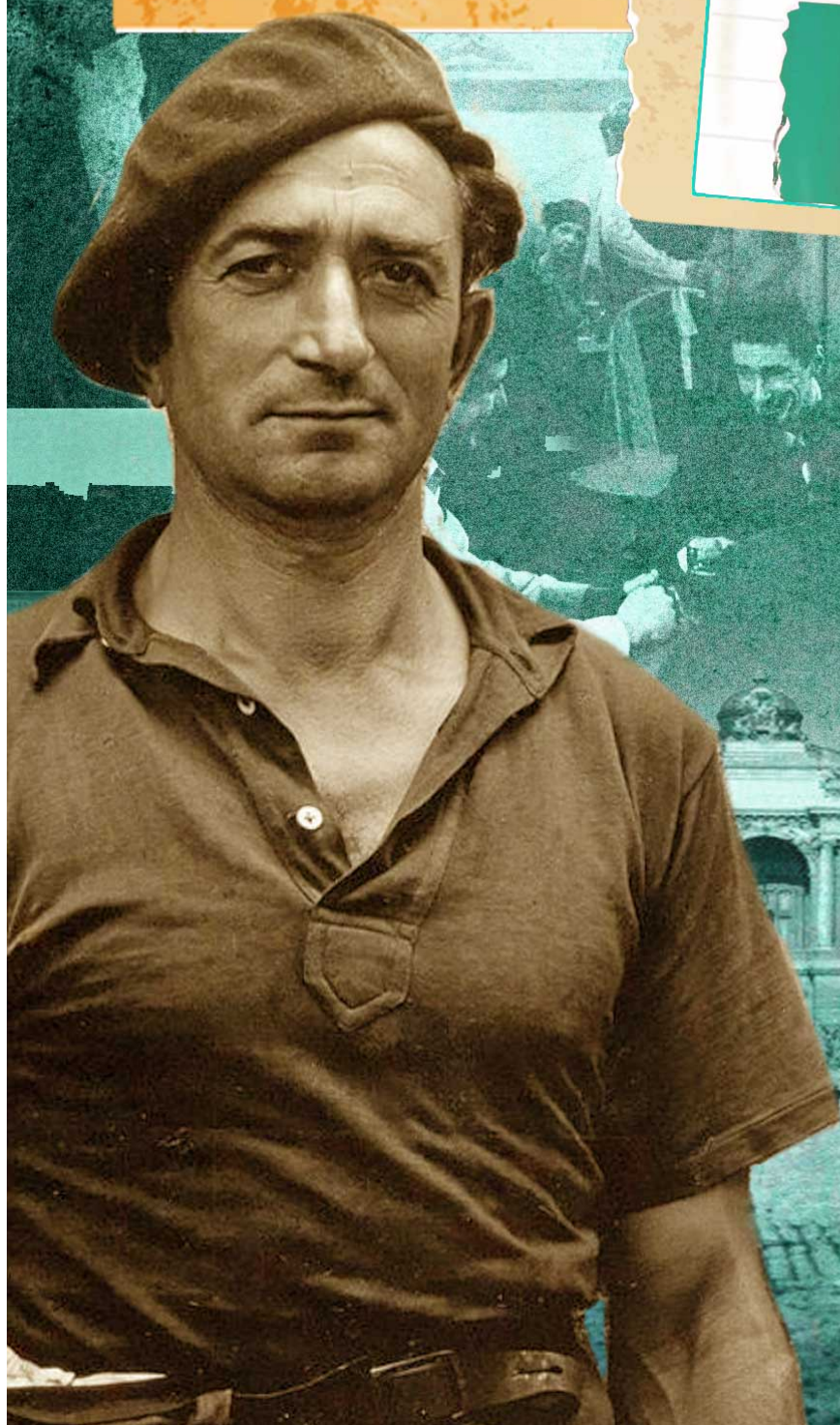

САНТА-ЛЮЧИЯ

Александр
Надеждин

Александр Надеждин

Санта-Лючия

«ИП Стрельбицкий»

Надеждин А.

Санта-Лючия / А. Надеждин — «ИП Стрельбицкий»,

Волну срывает сильный шквал, И брызги вверх летят. Ты раньше здесь со мной стоял, И нежно обнимал... Теперь одна, стою одна Тоской душа больна Но, знай, что я твоя жена И жизнь во мне твоя. И берег наш, и берег твой В душе всегда со мной И голос твой, такой родной Больной звучит струной... Ссылка на песню Карузо <http://www.neizvestniy-geniy.ru/mp3/1/176042.mp3> В одесском порту, в начале прошлого века, работает учетчиком бригады грузчиков Павел Бойченко. Природа его одарила удивительным голосом и талантом певца. Его любят слушать товарищи по работе. Поет Павел и в портовом кабачке. Там же на скрипке играет старый музыкант Осип Битман. Он видит, что Павел талантлив и занимается с ним в меру своих возможностей. В один из вечеров бригада грузчиков во главе с бригадиром Семеном Гаем заходит в портовый кабачок. И Осип Битман рассказывает Павлу, что в Одессе завершает свое турне по России знаменитый тенор Энрико Карузо... Трудно себе представить в какой водоворот событий попал Павел и мы вовсе этого не узнаем, если, я настаиваю, мы не погрузимся в эту увлекательную историю про любовь ... к женщине и к музыке... , к музыке и к женщине...

© Надеждин А.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Надеждин

Санта-Лючия

Памяти моего отца Васильева Михаила Павловича

Предисловие

Когда вы слышите название городов, какие ассоциации возникают у вас в голове?

Можно попробовать ответить за вас и за себя.

Например, Москва – столица нашей родины, город, населенный миллионами москвичей и – таким же количеством приезжих. Кремль, Мавзолей, Президент, Правительство и Лужков. Еще раньше – родная коммунистическая партия и лично Леонид Ильич Брежнев.

Ленинград по-старому и Санкт-Петербург в нынешнее время. Город трех революций, Николай второй, Распутин, Киров, Романов, Собчак и Валентина Ивановна Матвиенко. Еще и бандитский Петербург.

Одесса. Что можно сказать за Одессу? Да ничего особенного, кроме того, что Одесса сама за себя скажет.

Неаполь – это мелодичные неаполитанские песни.

Чикаго – город гангстеров.

Мой рассказ будет и за Одессу, и про Неаполь, и про Чикаго. Или точнее, про людей, которые там живут, или еще точнее – про одесского паренька Павла Бойченко, которого природа наделила уникальным голосом. И все можно было бы на этом закончить, если бы в 189... году в Одессу на гастроли не приехал бы великий итальянский тенор Энрико Карузо...

Иногда меня спрашивают: откуда я узнал обо всем этом?

Откуда эта история? Все очень просто.

Эту историю мне рассказал отец, а он узнал обо всем этом от старого скрипача одесского оперного театра – Битмана Осипа Давидовича, которому она досталась по наследству от Давида Осиповича, поведенного ему, в свою очередь, очевидцем и участником всех событий – Осипом Давидовичем – скрипачом портового кабака. От деда к внуку и от него через отца к сыну. То есть, пять человек по цепочке передавали из уст в уста драму, происходившую в конце позапрошлого и в начале прошлого века в Одессе, Неаполе и в Чикаго и на мне все, до этого момента, остановилось. Логика подсказывала, что я должен рассказать сыну, а он, как сам решит. Но я сделаю по-другому: запишу в виде повести, и пусть мой наследник и многие другие узнают об удивительных людях, достойных чтобы их знали и помнили.

Санта-Лючия – предместье Неаполя.

Здесь родился великий итальянский певец Энрико Карузо.

Молдаванка – предместье Одессы...

Совсем недавно Одесса, как впрочем, и вся Россия, переступила в новый двадцатый век. Не отстал от времени и Одесский порт. Деревянные причалы его еще помнили парусные суда предшествующего столетия, но сегодня к ним были привязаны швартовыми канатами парходы. Красивая картина, а если посмотреть чуть выше, то можно заметить здание оперы и золотые купола собора, услышать ни с чем несравнимые звуки южного города и песню:

Плывут туманы над волной,
Покрытой бирюзой.
Стоит вдали за синевой
Наш город молодой...

Он с песнею встречает
И песней провожает.
Одесса – мама, милый город мой...

Это поет молодой паренек Павел Бойченко – учетчик бригады грузчиков, которая разгружает баржу и главный герой рассказа.

Карандаш, которым он отмечает ходки, сейчас исполняет роль дирижерской палочки. Он взмахивает ею, и хор грузчиков дружно подхватывает:

Эх, Одесса – жемчужина у моря,
Эх, Одесса, ты знала много горя,
Эх, Одесса, ты мой любимый край...

Немного не в унисон басит Сеня Гай, вожак артели:

Живи, Одесса, не унывай...

Работа подходит к концу и Семен, сбрасывая с плеча мешок и, повернувшись к грузчикам, объявляет:

– Шабаш! В кабак, ребята, за расчетом.

Вся ватага оживляется и дружно направляется к воротам порта. Весело идут, как, будто не было изнурительного дня, а Павел запевает:

На свете есть такой народ,
Он лучше всех живет,
Всегда играет и поет —
Веселый тот народ.
Попробуйте, спросите,
Вам скажут одесситы:
– такими уж нас мама родила,

– басит Сеня Гай.

И все вместе:

Эх, Одесса, – не город, а невеста,
Эх, Одесса, – нет в мире лучше места.
Эх, Одесса, ты мой любимый край.
Живи, Одесса, и процветай.

* * *

По традиции, заведенной еще дедами, расчет за трудовой день происходил в портовом кабаке, который располагался совсем недалеко и был местом «культурного» общения всего морского люда самого низшего сословия. Но Одесса особенный город и такого рода заведения у нее необыкновенные и эта необычность определялась не только тем, что там пили, ели и общались на своем уникальном одесском языке, но всеохватывающей любовью к музыке и песням. Здесь же играл маленький оркестр и исполнял, как следовало бы ожидать, не надрывную мелодию одесских окраин, а «Полонез Огинского». Плакала и тосковала скрипка в руках старого скрипача Осипа Битмана. Но когда вся ватага весело и шумно ввалилась в полуподвал, тонущий в сизых клубах табачного дыма, скрипач прервал мелодию и, увидев Павла, улыбнулся ему:

– Здравствуй, мой мальчик. Вы уже закончили работу?
– Здравствуйте, Осип Давыдович. Да, сейчас расчет.
– Так я приготовил тебе царский подарок, – Битман положил скрипку на пианино и достал из футляра, сложенную наподобие театральной программы, газету:
– Читай. Будешь иметь удовольствие.
– «После весьма успешных гастролей в городах: Санкт-Петербург, Москва, Рига, Киев, – прочитал Павел, – к нам в Одессу приехал молодой, но уже всемирно известный итальянский певец Энрико Карузо. Сегодня в городском театре господин Карузо даст концерт...»
– Да, чтоб я так жил! – Павел бросился обнимать старого скрипача.
– Тихо, тихо, мой мальчик, пожалей мои старые кости. Но я должен тебя огорчить: билетов уже..., – но не успел закончить фразу, как к ним подошел Гай:
– Гуляем, Паша, – протягивая ему деньги, пробасил подошедший Сеня но, заметив огорченное лицо юноши, встревожено спросил:
– Чем дело, Паша?
– Эх, Сенечка, – ответил за Павла Битман, – Мы имеем в городе знаменитость и не имеем, как ее послушать! Все билеты у перекупщиков.
– А кто это?
– «Король» теноров – Карузо!
– Билеты будут! Это говорит вам Сеня. Но сначала, Паша, одну песню для души! Я сегодня гуляю! Человек! – Сеня громко крикнул буфетчику, – Накрыть стол!
Глаза Павла загорелись надеждой:
– Хорошо, я спою. Что хочешь?
– Мою любимую. Ша, люди! – прогремел Сеня в зал, перекрывая шум, – Паша будет петь! – и направился к столику.
Осип Давыдович взял скрипку, подождал, пока Павел откашляется, повернулся к музыкантам, взмахнул смычком, и над притихшим залом полилась грустная мелодия о несчастной любви ямщика:

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силенку...

Сеня налил стакан водки, опрокинул его в себя и, подперев голову руками, стал тихо шевелить губами в такт песни, которую чистым и красивым голосом исполнял Павел:

– Любил я в то время девчонку...

Да, это был голос первоклассного природного тенора.

– Куда ни поеду, куда ни пойду,
А к ней забегу на минутку...

Зал заморожен, и только пьяненький матрос за соседним с Гаем столиком попытался встать, но тяжелая рука Сени пригвоздила его к стулу.

– А сердце болит и болит у меня,
Как будто с ней век не видался...

– плывет над залом.

Матросик, с пьяным упорством, вознамерился было что-то сказать, но Гай оборвал его:
– Ша, жлоб! Не мешай людям слушать! Закрой пасть, а то я помогу тебе это сделать, – огромный кулак Семена закрыл ему почти все лицо и пьянчужка испуганно затих.

Под снегом же, братцы, лежала она,
Закрылися карие очи.
Налейте скорее стакан мне вина,
Рассказывать больше, нет мочи!

Любимая песня растрогала Гая до слез, а матросик, увидев это, со страдальческим лицом что-то стал нашептывать ему на ухо.

– Пошел вон, болван! – взбесился Сеня и тот, подхватив штаны, стрелой вылетел в дверь.

* * *

Оперный театр Одессы, построенный, вернее перестроенный в 1887 году и являющийся первым по красоте в Европе (так говорят одесситы), сегодня переживал третье рождение: на его подмостках давал концерт великий итальянский певец Энрико Карузо. Во все времена, как сегодня, так и в те далекие годы, на такие представления билеты раскупались мгновенно, поэтому в кассах их, понятно, не было. Но перекупщики имеют их и торгуют по взвинченным ценам. Вот и одного из них в канотье и модном костюме окружила толпа студентов, но узнав, сколько это стоит, они разочарованно отошли от него и, сбившись в кружок, стали подсчитывать деньги. Более богатые граждане, скрепя сердце, постепенно покупали возможность послушать итальянского тенора.

Все бы так и было, но тут к спекулянту подошли посетители кабачка во главе с Сеней Гаем.

– Ты меня знаешь, – ласково пробасил Сеня, положив ему руку на плечо.

– Сенечка, да кто же вас не знает, – заюлило «канотье».

– Ну, так вот, мы хотим слушать Карузо, – широким жестом Сеня показал на всю компанию.

– Сенечка, у меня только двадцать.

– Беру все, – Сеня и, забрав у перекупщика билеты, сунул ему в руки кредитки и, сделав шаг в сторону, он на мгновение остановился и, подумав, отрывал от пачки один билет, подал его широким жестом растерянному перекупщику:

– Это тебе от нас, презент.

Ошалевший перекупщик, растерянno посмотрел то на кредитки, то на билет и, глубокомысленно хмыкнув, сказал:

– Мне это надо, иметь бульён?

– Вот, пожалуйста, нам восемь, – протягивая смятые кредитки и мелочь, скороговоркой выдохнул подбежавший студент.

– Поздно, господа, фирма лопнула. Иду оплакивать убытки, – перекупщик, лихо, сунув двумя пальцами билет в нагрудный карман и, помахивая тросточкой, двинулся, виляя кормой, к театру...

* * *

Разношерстная публика Одессы, попавшая в тот вечер на Карузо, очарована его изумительным пением. После каждой песни зал взрывался аплодисментами, и особенно неистовствовала галерка, на которой расположилась вместе со студентами и рабочей молодежью, компания Семена Гая. Его огромные ладони бухали как литавры, а рядом с ним через кресло, с горящими глазами, как заколдованный, молча, сидел Павел (читатель должен понять, что творилось в душе юноши). А старый скрипач, отлучившийся куда-то, вернулся на свое место.

– Вот, достал, – усаживаясь и запыхавшись, сказал он.

– Что? – не поворачиваясь, как во сне, спросил Павел.

– Клавир. Я за него отдал последнюю фамильную ценность, – скрипач, показал на жилет, где раньше была цепочка. А в это время на сцену вышел конферансье и объявил:

– Неаполитанская песня Санта-Лючия!

Зал замер, и оркестр начал играть вступление.

– Послушайте, папаша, что такое Санта-Лючия? – пробасил у него над ухом Сеня.

– Санта-Лючия в Неаполе, это то, что Молдаванка в Одессе.

– Ага, понял, Молдаванка.

А со сцены, то, замирая где-то на трагических нотах, то звеня, звучал голос певца и зал слушал, затаив дыхание.

– Санта-Лючия, Санта-Лючия, – песня заполнила своды зала, сердца и души одесситов...

* * *

Отец, рассказывая мне эту историю, говорил, что хочет не только написать ее, но и озвучить голосом этого удивительного одесского самородка. Но он не понимал как это сделать. Сегодня, разбирая архивы отца, я натолкнулся на одну ссылку, которая вела в Чикаго, где...

Впрочем, я забегаю далеко вперед и если начну вводить вас в курс дела прямо сейчас, то вы и закончите читать, а это не входит в мои планы. Сохраним интригу.

Тогда же, после концерта великого Энрико Карузо, жители ночной Одессы и, особенно Молдаванки, могли своим ушам слышать другой, не менее красивый голос своего земляка Павла Бойченко. И они это делали.

Под песню Санта-Лючия вся бригада грузчиков добралась до дома Павла.

– Санта-Лючия, Санта-Лючия, – допел Павел, а Сеня Гай, умиляясь, своим басом, произнес:

– Похоже, чтоб мне провалиться, похоже.

– Перестань драть горло, босяк! Может, ты мне скажешь, который час? – тоже громко и тоже басом, но не понятно к сыну или к Сене, обратилась мадам Бойченко.

– Послушайте, мама, мы были в опере и имели там слушать Карузо, – с восторгом попытался объяснить свое настроение Павел.

– Добрые люди, посмотрите на этого психа? Он не имеет, что кушать, но хочет слушать какую-то оперу и какого-то Крузо?

– Карузо, Энрико Карузо, мама! Это великий певец...

– Нет, вы посмотрите на этого босяка, – мадам Бойченко, с возмущением приступила к воспитанию сына, но не смогла закончить фразу, которую лично мне, дослушать, очень бы хотелось. Но Сеня Гай сказал:

– Ша! – а старый скрипач продолжил:

– Эх, мадам, вы до слез должны быть счастливы. Ваш мальчик не босяк, ваш мальчик понимает искусство. Настоящее искусство, мадам.

– Ах, господин Битман, вы играете на всех свадьбах, вы пиликаете целый день в кабачке и до сих пор вы не Попуда* и даже не Маразли*.

– Это верно, мадам, денег у меня меньше, чем у Асвадурова*, но в них ли счастье? А я счастлив, мадам, я нужен людям. Моя скрипка утешает их в горе. Она веселит их сердца в праздники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.